

Мчись на помощь с любовью,
и мир наступит.

Ривер Феникс

Есть три типа людей:
живые, мертвые и те, кто плывут по морю.

Платон

ВВЕДЕНИЕ

САНДРО ВЕРОНЕЗИ

История, которая привела к рождению этой книги, отмечена знаком чуда и, как все истории о свершившихся чудесах, должна быть рассказана. История эта происходила летом 2018 года.

Лето в Италии 2018 года было ужасным. Как обычно, увеличился поток мигрантов, бегущих морем из ливийских лагерей; у их путешествия могло быть только три исхода: либо оно удавалось, и переполненные баркасы причаливали в Лампедузе, на Мальте, в Сицилии, в Калабрии; либо их немедленно задерживала ливийская береговая охрана и отправляла обратно в лагерь; или оно заканчивалось трагедией: двигатели переставали работать, надувные лодки сдувались, шлюпки опрокидывались, и беженцы внезапно становились потерпевшими кораблекрушение. То лето было невыносимым, потому что вместо мощной волны солидарности в Италии поднялась неистовая волна ксенофобии, накрывшая именно этих лю-

КОМАНДИР

дей — тех, кто, потерпев кораблекрушение, оказался в воде и, даже уцепившись за какой-то обломок, не имел шансов выжить. На этих самых последних из последних людей низвергались омерзительные моральные испражнения, повторявшиеся, как девиз, всеми социальными сетями: «Приятного аппетита рыбкам», «Конец сладкой жизни», «Круиз закончился». В то же самое время итальянской береговой охране запрещено было вмешиваться, и мигранты тонули. Эти воды бороздили лишь несколько не подведомственных Италии спасательных катеров, они назывались SAR (от Search and Rescue, то есть «Поиск и спасение»), иногда они спасали тонущих, и тогда начиналась настоящая одиссея в поисках порта, где можно было бы высадить потерпевших крушение (правительство в то время проводило политику *закрытых портов*), а волна ксенофобии захлестывала неправительственные организации, спустившие на воду эти катера, против которых началась настоящая кампания клеветы и травли: их называли «морскими такси», намекая на их сговор — разумеется, за плату — с ливийскими перевозчиками, не доказанный ни разу ни в одной судебной инстанции ни по одному из многочисленных исков.

В то обезумевшее лето от ощущения бессилия и кипевшей во мне злости я потерял сон. Из головы не выходила эта чудовищная ситуация, ничто больше не интересовало меня — столь радикальной и непреодолимой реакции я не испытывал никогда. Стремясь перенаправить свое дурное состояние в действие,

ВВЕДЕНИЕ

я связался с руководством неправительственной организации и записался в очередь, чтобы в будущем стать членом спасательного экипажа, но главное, впервые в жизни учредил общественное движение. Я сообразил, что многие из моих друзей и знакомых, которым я поверял свои чувства, пребывали в том же состоянии, и я их всех объединил в движение под названием «Тела», указывавшим на желание поставить собственное тело между волной ксенофобии и ее жертвами. Но, осуществляя свой замысел, я действовал так, как будто готовился отпраздновать свой день рождения: я приглашал людей, которых ценил за их труд и сознательность, проявленные при исполнении собственного долга, в результате в группе оказались люди, знавшие меня, но незнакомые друг с другом. Не стану приводить их полный список*, но хочу здесь вспомнить, что написал Антонио Пеннакки¹, один из немногих, кто был старше меня, в ответ на мое приглашение принять участие в нашем движении: «Дорогой Веронези, я передвигаюсь на костылях, но если ты согласишься сопроводить тебя на корабль, чтобы помочь этим несчастным людям, я отвечаю тебе — да».

Я объединил всю эту группу друзей-волонтеров в чате на платформе Signal и сообразно назвал ее «Тела». Среди них был Эдоардо Де Анджелис, с которым я недавно познакомился, поскольку моя жена

¹ Антонио Пеннакки (Antonio Pennacchi, 1950–2021) — итальянский писатель, лауреат премии «Стрега» за роман «Канал Муссолини» (2010) (Здесь и далее примечания переводчика).

КОМАНДИР

работала над дистрибьюцией его фильма «Порок надежды»¹. Еще до нашей личной встречи, когда меня обдало волной дружеского чувства, меня поразила одна его привычка: во время съемок фильма он каждое утро на рассвете рассылал всей съемочной группе, включая мою жену, месседж, который называл «заметка», с целью *настроить всех* на одну волну вдохновения в предстоящий рабочий день. Он писал изумительно красивые короткие тексты, чтение которых придавало заряд ежедневного вдохновения и мне, не имевшему к этому никакого отношения и лишь украдкой читавшего его «заметки». Я понял, что Эдоардо принадлежит к той породе кинорежиссеров, которые умеют писать, и, соответственно, стал ценить его по-особому.

Среди прочих вкладов Эдоардо в наш чат была разосланная им утром ссылка на сайт «*Avvenire*»², опубликовавший заявления адмирала Петторино, тогдашнего руководителя береговой охраны, который в своей речи по случаю годовщины основания корпуса, гарантируя должное исполнение правительственных указов, запрещавших его моторизованным патрулям спасать утопающих в Ливийском море, тем не менее отметил, что «спасение утопающих в море есть законный и моральный долг». После чего, оторвавшись от текста, копию которого заранее пре-

¹ Il vizio della speranza (um.).

² «Аввенире» (Avvenire, um.) — ежедневная газета, выходит с 1968 г.

ВВЕДЕНИЕ

доставил властям, и уже не по бумажке вспомнил о подвиге командира подводной лодки Сальваторе Тодаро, который во время Второй мировой войны отправил на дно Атлантического океана бельгийское судно и, не подчинившись приказам немецкого адмирала Карла Дёница, спас его экипаж. Дёниц назвал его «морским Дон Кихотом» (идиотское сравнение, для того времени тоже), но Тодаро не уступал, он отстаивал свое решение спасти тонущих неприятелей и дал объяснение, которое теперь Петторино выдавал за свое, тем самым подчеркивая несогласие с правительственными указами: «Мы — моряки, — сказал тогда Тодаро, и Петторино сейчас повторил, — итальянские моряки, у которых за плечами два тысячелетия цивилизации, и мы поступаем именно так».

Эдоардо поразили эти слова, он занялся изучением вопроса. Так всплыли на поверхность Сальваторе Тодаро, герой нашего Военно-морского флота, награжденный золотой, тремя серебряными и двумя бронзовыми медалями за воинскую доблесть, и многочисленные реконструкции того эпизода, о котором говорил адмирал Петторино. Каждая реконструкция в чем-то отличалась от другой, но все они сходились в решающей точке: спасение врага в открытом море и объяснение этого выбора меткой фразой: «Мы — итальянцы».

Эдоардо позвонил и спросил, что я думаю по поводу безумной мысли, которая пришла ему в голову, — снять по этой истории фильм. Фильм о войне.

КОМАНДИР

Исторический фильм, в котором офицер Итальянского Королевского флота в разгар войныслушивается приказа немецкого командования и спасает двадцать шесть членов экипажа корабля, только что потопленного его подводной лодкой. Я ответил ему, что это грандиозная идея и что именно этим нам стоит заняться — поиском документов, свидетельств, историй, на которых следует сосредоточиться всеми силами, чтобы доказать: то, что «Тела» называли позором нации, то им и было на самом деле. Конечно, понадобится какое-то время, фильм о войне не снимешь и не смонтируешь в два счета, но все равно это годилось: некоторые граждане принимают участие в непосредственных акциях, другие занимаются более сложными проектами, но цель у всех одна. Эдвардо остался доволен моим одобрением, приступил к своим изысканиям, и к этой теме мы больше не возвращались.

И вот, наконец, мы оказываемся в той точке истории, где происходит чудо: будучи неверующим, не знаю, имею ли я право назвать это как-то иначе, как не прямое проявление божественной воли. Среди людей, которых я пригласил участвовать в группе «Тела», была Жасмин Бахрабади, моя старинная приятельница из Ливорно, специалист по рекламе музыкальных групп. Я представил ее в чате другим «Телам»: знала она от силы нескольких человек. Сообразно своим наклонностям, чату она предпочла деятельное участие в составлении списков спасательных экипажей и организации мероприятий в поддержку

ВВЕДЕНИЕ

неправительственных организаций, с которыми мы тесно сошлись. Однажды утром я получил от Жасмин имейл с прицепленной к нему статьей, опубликованной по ее инициативе на первой странице «Тиррено»¹ и посвященной командиру Сальваторе Тодаро, которого приводил в пример адмирал Петторино. Жасмин написала: «Это статья о моем дедушке».

То есть *Жасмин была внучкой Тодаро*.

Я был в шоке, тут же попросил у нее разрешения разослать статью участникам чата и, получив его, сделал это, сопроводив ошеломительной новостью, которую сам только что узнал. Через пару минут раздался звонок. Это был Эдоардо, он был потрясен так, как если бы перед ним явилась Дева Мария.

«Ты ведь знал, скажи по правде».

«Клянусь тебе, что нет».

Через два дня Эдоардо был в Ливорно, где встретился с Грациеллой, дочерью Тодаро, в доме Жасмин, том самом, где Тодаро с женой жили до войны. Он получил разрешение порыться в двух бережно сохраненных баулах, где были собраны все личные вещи командира: письма, фотографии, награды, книги по йоге и оккультизму, которые он читал, и книги, по которым самостоятельно изучал фарси, то есть персидский язык. (Я не буду тянуть резину с чудесами, но кто хочет, может поразмышлять, почему у моей приятельницы Жасмин фамилия Бахрабади, из какой

¹ «Тиррено» (Il Tirreno, *ит.*) — ежедневная газета (основана в 1945 г.), распространяется в Тоскане.

КОМАНДИР

страны она родом и на каком языке разговаривает ее отец.)

Через месяц Эдоардо предложил мне поучаствовать в создании сценария, и хотя я не слишком силен в киносценариях, но знак, полученный с небес, был настолько ясен, что я охотно согласился. Памятуя о его «записках» во время съемок «Порока надежды» и ободренный естественностью, с какой он, начиная с первой редакции сценария, уловил язык Тодаро, я, в свою очередь, предложил ему, пока продюсеры будут поднимать на ноги фильм, поучаствовать в написании книги, вдохновленной этой назидательной итальянской историей. Мое предложение тоже охотно было принято.

Спустя четыре года, в то время, когда заканчиваются съемки фильма, появляется эта книга. Поутихшая было ксенофобия снова готова подняться устрашающей волной, и война уже на пороге, то же самое, что в те годы: дополнительный аргумент, чтобы итальянцы (те, кто плавает по морям, и, главное, те, кто по ним не плавает, а лежит и загорает на песке, растянувшись на полотенце, кто играет в бадминтон или участвует в пляжных вечеринках и считает справедливым и даже патриотичным дать погибнуть людям, бегущим от голода, от преследований и от войны), помнили, чьи они дети. Хотя нет, уже внуки.

* В конечном счете список следующий, в алфавитном порядке:

Роберто Алаймо, Сильвия Баччи, Жасмин Бахрабади, Алессандро Бергонцони, Катерина Бонвичини,

ВВЕДЕНИЕ

Кьяра Валерио, Сандро Веронези, Паоло Вирци, Франческа д'Алойя, Эдоардо Де Анджелис, Хамид Дзиарати, Сильвия Джаньони, Джузеппе Дженна, Джипи, Лука Донинелли, Марко Кассини, Мануэла Каваллари, Массимо Коппола, Франко Корделли, Симоне Ленци, Антонио Леотти, Габриеле Муччино, Микела Мурджа, Антонио Пеннаки, Риккардо Родольфи, Элена Станканелли, Тереза Чабатти, Стефано Эко.